

В самом деле, вскоре Дачжу и Эрчжу явились с новогодними поздравлениями. Мальчики почтительно поклонились Ду Аню и Ду Чжунпину, и те вручили им приготовленные красные конверты. Внутри были всего лишь медные монетки, завернутые в красную бумагу, но для ребятешек это уже целое богатство. Правда, скорее всего, деньги побудут в их руках совсем недолго, а потом будут изъяты взрослыми.

Мальчишки не стали задерживаться — им предстояло обойти с поздравлениями и другие дома. Ду Чжунпин не стал их удерживать, лишь насыпал каждому полные горсти арахиса и конфет, попросив почаще заходить к Цзинь-эру поиграть.

Гости приходили поочередно, и когда Ду Ань с Ду Чжунпином решили, что пора и самим нанести визиты, они одели Цзинь-эра потеплее и вместе с Чжао Ба и Фан Шэном отправились к старосте.

В доме старосты и впрямь было шумно. Сам хозяин сидел в комнате и беседовал с пришедшими поздравить его, а невестка Ван сновала туда-сюда, поднося гостям воду и угощая семечками. Дачжу с Эрчжу уже успели обойти всех и вернулись. Из-за тесноты невестка Ван, счтя, что они путаются под ногами, шлёпнула Эрчжу по заду и выпроводила братьев во двор. Поэтому, едва компания вошла во двор, Эрчжу закричал во всё горло: «Мама, дядя Чжао Ба пришёл!»

Из дома тут же вышел кто-то им навстречу. Все вошли внутрь, обменялись поклонами и приветствиями. Цзинь-эр несколько раз повторил заученные под руководством Ду Чжунпина и Ду Аня поздравительные фразы и получил в ответ несколько красных конвертов.

Все расселись, а Цзинь-эр устроился на коленях у Ду Чжунпина и наотрез отказался слазить. Мальчик немного робел из-за множества незнакомых людей. Через некоторое время дверь приоткрылась, и в щель просунулась половина головы Эрчжу, который принялся звать Цзинь-эра: «Выходи, поиграем!»

Мальчику стало интересно, и он вопросительно посмотрел на Ду Чжунпина. Тот поставил его на пол и вручил небольшой свёрток, разрешив пойти поиграть с Эрчжу.

Цзинь-эр был одет в тёплую одежду на меху, но из-за малого роста напоминал круглый комочек. Во дворе он протянул свёрток Эрчжу. Тот развернул его и увидел связку маленьких хлопушек. Обрадовался не на шутку: «Мне? А ты сам не будешь?»

Цзинь-эр подтолкнул свёрток к нему: «Тебе». Эрчжу ещё сильнее проникся к мальчику — у них дома хлопушки всегда зажигал Дачжу, ему же такая честь почти никогда не выпадала.

Дело в том, что ещё перед Новым годом Ду Ань с Ду Чжунпином взяли Цзинь-эра на рынок. Там мальчик увидел, как другие дети кланчат у взрослых хлопушки. Он и сам не знал, что это такое, но красные штучки выглядели забавно, и он тоже захотел. Ду Чжунпин, всегда потакавший ребёнку, решил, что мальчишке не вредно поиграть с петардами, и купил. Ду Ань хоть и считал, что Цзинь-эр ещё мал для таких забав, не стал возражать — если ребёнок не станет, взрослые сами пустят их в дело, не пропадать же добру. Однако когда Ду Ань вернулся домой, разобрал две хлопушки и показал, как они работают, Цзинь-эр наотрез отказался к ним прикасаться.

Дачжу, которому после Нового года исполнилось одиннадцать, конечно, не стал бы отнимать у младших игрушки. Но сейчас в доме были гости, и если поднять шум, можно было всполошить кур и устроить переполох — тогда после ухода гостей непременно бы влетело. Поэтому на просьбу Эрчжу дать огня и запустить несколько штук прямо сейчас он и внимания не обратил, лишь пообещал отдать все хлопушки брату, себе не оставив ни одной, но с условием — играть

только вечером, когда никого не будет.

Эрчжу, подумав, согласился. Получив от Цзинь-эра подарок, он счёл нужным ответить тем же. Поколебавшись, мальчик повёл нового приятеля к своему курятнику.

Обычно яйца в их доме собирал Эрчжу, но сегодня с утра, позавтракав, он сразу отправился с поздравлениями и ещё не успел этого сделать. Он решил уступить Цзинь-эру право собрать сегодняшние яйца — вот и ответный подарок.

Цзинь-эр, разумеется, заинтересовался. Он никогда не собирал яиц, только ел их варёными. Однако, увидев расхаживающих по двору кур, он замаялся, особенно испугавшись петуха. Тот важно вышагивал, то и дело скребя лапами землю, и выглядел весьма грозно. Стоило Цзинь-эру сделать шаг в сторону курятника, как петух тут же устремлял на него пристальный взгляд, и мальчик замирал на месте.

В конце концов пришлось вмешаться Дачжу. Он взял палку, отогнал петуха в сторону, а Эрчжу, прикрывая Цзинь-эра, подвёл его к курятнику. Внутри лежало три или четыре яйца. Цзинь-эр, подумав, подобрал полу своей одежды, сложил её в виде мешочка и принялся аккуратно, одно за другим, укладывать туда яйца. Затем, слегка подпрыгивая от волнения, он последовал за Эрчжу к тому месту, где невестка Ван обычно хранила яйца, не обращая внимания на прилипшие к одежде перья.

Дачжу подождал, пока младшие отойдут подальше, выпустил кур и быстрым шагом нагнал ребят, чтобы присмотреть за ними. Мальчик из семьи Ду казался довольно нежным созданием, но Ду Чжунпин всегда хорошо относился к ним с братом. Пусть Дачжу уже и не ребёнок, а дядя Ду ненамного его старше, и порой это даже смущало, но ему это нравилось. Теперь же, на их собственном дворе, он просто обязан был присмотреть за Цзинь-эром.

Взрослые в доме поговорили ещё немного и стали поочерёдно прощаться. Все вчера провели бессонную ночь, поэтому, поздравив друг друга с утра, спешили по домам — ещё можно было успеть вздремнуть.

По дороге назад Цзинь-эр, обняв Ду Чжунпина за шею, снова и снова взахлёб рассказывал, как собирал яйца, как Дачжу отгонял кур и как Эрчжу каждый день делает это у себя дома. Под конец он принялся упрашивать Ду Чжунпина тоже завести дома кур, чтобы и ему каждый день выпадало такое счастье.

Ду Чжунпин отделался уклончивым ответом, мол, зимой цыплят не найдёшь, придётся подождать, пока не подвернётся случай. В душе же он твёрдо решил: ни в коем случае не заводить кур. Не говоря уже о том, что они будут будить всех по утрам, сама мысль, что в доме на каждом шагу можно наступить в куриный помёт, была невыносима.

Вернувшись, все разошлись по своим комнатам, чтобы немного поспать.

По обычаю, на второй день нового года семьи, где были молодожёны, отправлялись в гости к родителям жены, а те, кто жил далеко, могли тронуться в путь уже сегодня. Но в их доме жили одни холостяки, так что об этом можно было не беспокоиться. Однако незадолго до праздника Чжао Ба передали, что несколько его армейских братьев получают увольнительную и навестят его второго числа, чтобы вместе выпить. Чжао Ба и Фан Шэн, зная, что сами стряпают неважно, упросили Ду Аня помочь на следующий день — заодно и познакомят братьев, чтобы в будущем, если что, было к кому обратиться.

На следующий день, ещё до того как солнце поднялось в зенит, во двор въехали шестеро или

семеро всадников в военной форме. Среди них был и тот, что недавно стоял на воротах.

Чжао Ба уже изрядно заждался и, услышав стук копыт, выбежал навстречу. Вскоре он уже вводил гостей во двор. Те, смеясь, перешучиваясь и слегка поталкивая друг друга, сначала привязали лошадей, а затем, церемонно пропуская друг друга вперёд, вошли в дом.

Семью Ду Чжао Ба поднял с самого утра, а уж Ду Аню он и вовсе не давал покоя, будто бы тот мог вмиг приготовить все яства.

К счастью, ещё до праздника было заготовлено немало полуфабрикатов: некоторые блюда достаточно было просто разогреть на пару, другие уже были подготовлены — оставалось лишь обжарить, потушить или сварить. Ду Ань с утра принялся за те кушанья, что требовали больше времени, а остальные можно было приготовить, когда гости уже будут на пороге.

Ду Ань рассудил, что солдаты, как правило, едят много, и потому главным блюдом сделал цзяоцзы с мясной начинкой — их можно было сварить в любой момент. На случай, если не хватит, были приготовлены паровые пампушки — разогреть их тоже дело быстрое.

Остальные блюда тоже были в основном мясные. Изначально планировалась и рыба, но Чжао Ба сказал, что его братья, скорее всего, не станут возиться с костями — лишь бы были большие куски мяса да вино, и никто не в обиде будет.

Ду Ань, подумав, приготовил жаркое из обжаренных заранее кусков свинины, протушил большие мясные кости и сделал большую миску тушёной баранины. Заранее он также сварил наваристый бульон на отборных рёбрышках, добавил туда тонко нашинкованной кислой капусты и положил большие куски свиной грудинки, включая несколько особенно сочных — их потом можно было нарезать и подать как отдельное блюдо, «белое мясо».

Блюд было не много, но порции — огромные, что, без сомнения, пришлось бы по вкусу.

Когда военные вошли в дом, они сначала обменялись приветствиями с Фан Шэном, а затем Чжао Ба представил им семью Ду. После взаимных поклонов один из гостей промолвил: «Так это тот самый сосед, с которым ты в тот раз в город входил? Оказывается, учёный муж, не мудрено, что чинно себя вёл».

Ду Чжунпин знал, что военные зачастую недолюбливают книжников, и ответил: «Говорят, что из ста учёных ни одного годного, просто нам, книжникам, не досталось вашей крепости да силы. Да и с ребёнком на руках волей-неволей приходится осторожничать. Впредь будем надеяться на вашу поддержку».

Тут вмешался один, что выглядел постарше и солиднее: «Мой братец не умеет слова подобрать, не сердись. Коли ты друг нашего брата Чжао Ба, какая уж тут речь о поддержке — коль что, только слово скажи, без лишних разговоров поможем. Разве что нам самим придётся к тебе, господин Ду, за советом обратиться — тогда уж не взыщи, просвети».

Ду Чжунпин, сказавший это просто из вежливости, не ожидал такой учтивости в ответ. Да и последняя фраза прозвучала несколько загадочно. Он взглянул на Чжао Ба и Фан Шэна, но по их лицам было видно, что они тоже ни о чём не ведают. Пришлось обменяться ещё несколькими ничего не значащими любезностями.